

Варлам Шаламов как зеркало русского капитализма. Андрей Рубанов filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Варлам Шаламов как зеркало русского капитализма. Андрей Рубанов
Варлам Тихонович Шаламов (1907–1982).

В 2006 году молодой итальянский журналист и литератор Роберто Савьяно стал членом одного из подразделений неаполитанской мафии; во всем мире ее называют «каморра». Впоследствии Савьяно описал все, что узнал и увидел, в книге, ставшей международным бестселлером, и был приговорен мафией к уничтожению. Сейчас, когда пишутся эти строки, Савьяно находится под защитой властей, его местонахождение засекречено. Однако он дал несколько интервью, в которых заявил, что нравственным примером для себя считает жизнь и творчество русского писателя Варлама Шаламова, автора «Кольмских рассказов», отсидевшего семнадцать лет в сталинских лагерях. Итальянский смельчак – ему нет и тридцати – цитирует слова Шаламова об «авторитете подлинности», утверждает, что хочет, подобно Шаламову, «по локоть запустить руки в реальную жизнь», – а нам остается только сетовать, что среди современных отечественных сочинителей подобные отважные персоны до сих пор не замечены, и сам Варлам Тихонович Шаламов остается в российской литературе катастрофически недооцененной фигурой. Если когда-нибудь сам феномен недооцененности будет всерьез изучен, судьбу Шаламова примут за эталон. При жизни он был неудобным человеком, и после смерти – при том что его произведения включены в школьную программу – остается чрезвычайно неудобным писателем, поскольку его взгляды на историю, на эволюцию разума, на моральный прогресс цивилизации идут вразрез с общепринятыми теориями прекраснотворческих гуманистов. Его отец, священник Тихон Шаламов, был незаурядной личностью. Одиннадцать лет прожил на Алеутских островах в качестве православного миссионера. Это настоящее подвижничество. Такого отца, как Тихон Шаламов, можно пожелать каждому русскому человеку. Мать очень любила стихи. Шаламов утверждал, что характер достался ему от отца, а творческие наклонности – от матери. Однако отношения с отцом были напряженными, Варлам до глубокой старости хранил подростковые обиды, обвинял отца в жестокости (тот был страстный охотник) и в лицемерии: как ни странно, священник Тихон Шаламов был равнодушен к церкви. Варлам Тихонович Шаламов, писатель и поэт, родился в городе Вологда в 1907 году. Четыре года проучился в царской гимназии и навсегда запомнил, как в 1918-м с ее фасада сбросили герб с двуглавым орлом. Едва вступив в сознательный возраст, Варлам уехал в Москву и в 1926 году поступил в Московский университет. Молодая Москва тогда бурлила. Именно во второй половине 1920-х в России выросла и оперилась новая молодежь, почти ничего не помнившая о царской России. Первое поколение чистопородных коммунистов. Именно тогда был взят курс на индустриализацию. Всеобщая грамотность, гигантские стройки, Маяковский, стрелковые кружки, «наш ответ Чемберлену», Осоавиахим [417], роман Алексея Толстого «Аэлита» – юный Шаламов оказался среди восторженных, едва ли не экзальтированных сверстников, которые построение нового мира полагали задачей двух-трех ближайших лет. Разумеется, умный и нравственный молодой человек мгновенно окупился в гущу событий. «„Завтра – мировая революция“ – в этом были убеждены все», – так он сам пишет в воспоминаниях. Если тебе двадцать два года, целью может быть только мировая революция. Иначе нельзя. Образованная молодежь не хотела революции по Сталину – унылой, бюрократической, застегнутой на все пуговицы революции, где предлагалось задвинуть засовы, оцетиниться и враждовать со всем миром. Молодежь хотела революцию Троцкого: непрерывную, всемирную, для всех, круглосуточно. Сам Троцкий умело настроил юных умов. Задним числом выяснилось, что он все-таки переиграл Сталина: идеи перманентной революции дожили до шестидесятых годов двадцатого века, ими руководствовался Че Гевара. Но тогда, в 1929-м, Троцкий был изгнан из СССР, оппозиция разгромлена, молодой сын священника Варлам Шаламов обвинен в распространении «Завещания Ленина» – и получил три года. Кстати, ни коммунистом, ни даже комсомольцем он никогда не был. Идеалист – вот как следует назвать его партийную принадлежность. Умен, честен, серьезен, хочет быть полезным людям, хочет высказаться, хочет быть в центре событий. Всей душой верит в коммунистические идеи. Он не изменил своей вере и спустя полвека. Три года заключения не остудили его пыла. Пять лет проходят спокойно: Шаламов опять в Москве, работает в мелких отраслевых журнальчиках. Пишет стихи, пробует себя в прозе. Внимательно изучает литературные приемы модного тогда Бабеля. Иронизирует: если вычеркнуть из «Конармии» Бабеля эпитеты и метафоры, что останется? Ничего... Тогда же он похоронил отца, через год – мать. Женится. Родил дочь. Впоследствии – когда он вернется из лагерей – дочь откажется встречаться с ним. В 1936-м Шаламов дебютировал с небольшим рассказом «Три смерти доктора Аустино». Но времена

Варлам Шаламов как зеркало русского капитализма. Андрей Рубанов filosoff.org меняются, неблагонадежным перестают доверять. В 1937-м забирают всех, кого можно подозревать хоть в чем-нибудь. Забрали и Шаламова – пять лет лагерей. Он сам некоторым образом спровоцировал свой арест: законопослушный человек, он при очередном переезде на новое место жительства (скитался по углам, у дальней родни) зарегистрировался в органах как гражданин с судимостью – и таким образом напомнил о себе. В 1942-м лагерные осведомители донесли, что заключенный Шаламов называет Бунина – белоэмигранта! – «русским классиком». За это Шаламову тут же добавили десять лет. Шла война – с такими, как Шаламов, не церемонились. Литератор, троцкист, поповский сынок, две судимости – такие не нужны на свободе, такие нужны в лагере. Лес валить, мыть золотишко – там, откуда нельзя убежать, где зимой минус сорок пять и где не выдерживают даже конвойные псы. Он вернулся из колымской мясорубки в возрасте сорока семи лет, в 1954-м. Общий стаж отсиженного – семнадцать лет, и еще три года работы на той же Колыме вольнонаемным фельдшером. Тут надо сказать, что люди, много лет просидевшие за решеткой и колючей проволокой, хорошо разбираются в тюремно-лагерных болезнях, умеют лечить себя и ближнего. Превращение литератора Шаламова в доктора Шаламова не должно никого удивлять....И снова, как тридцать лет назад, в Москве события, снова горят глаза, снова все полны предчувствий великих перемен. Сталин мертв и вынесен из Мавзолея. Культ личности осужден. Из лагерей освобождены несколько миллионов каторжан. Война окончена, тирания побеждена – дальше все будет хорошо. Пышным цветом цветет самиздат (еще бы, теперь – можно, теперь не сажают). Шаламов – активнейший участник самиздата. Москва читает его стихи. Он восстанавливает литературные связи, знакомится с Солженицыным, переписывается с Пастернаком. Правда, пока официальные журналы его не берут. Даже лирику. Не говоря уже о рассказах. Но рассказы все знают. Рассказы слишком страшны – прочитав любой, нельзя не запомнить. Первые из них написаны в 1954 году, еще на Колыме. К 1973 году работа над рассказами закончена. А стихи он продолжал писать до тех пор, пока рука могла держать карандаш, и на склоне лет ставил свою поэзию гораздо выше прозы. Всего он создал шесть циклов рассказов, шесть стихотворных сборников, пьесу «Анна Ивановна», повести «Четвертая Вологда» и «Вишера», несколько десятков эссе. Пересказывать произведения Шаламова совершенно бессмысленно – все равно что пробовать пересказать «Илиаду» или «Братьев Карамазовых». Пересказ займет в три раза больше времени, чем сам процесс чтения. Автор этих строк надеется, что большинство читателей хотя бы понимают, что такое вечная мерзлота и где находится Колыма. В СССР рабский труд заключенных был важной составляющей экономики. Заключенные работали там, где не желали работать обычные люди. Гениальный тиран, Сталин поделил подданных на две части: те, кто находился на свободе, каждый день ждали ареста и были легко управляемы; те, кто уже сидел в лагере, были низведены до животного состояния и управляемы были еще легче. Солженицын назвал систему лагерей «архипелагом» – это красивая, но неточная словесная фигура. Сталинские лагеря не были группой «островов» в некоем «океане». Наоборот, речь идет именно об «океане» рабства. На северо-востоке евразийского материка существовала колоссальная империя, где на территории, в несколько раз превосходившей площадь Европы, не было почти ничего, кроме лагерей, и руководители этой империи имели власть и могущество стократ большее, нежели римские цезари. Империя сталинских лагерей не имела прецедентов в мировой истории. «Огромная», «циклопическая», «бесчеловечная» – любой эпитет будет лжив. Но Шаламов и не любил эпитеты. Бесстрастная речь очевидца – вот его метод. Он ничего не объясняет, не вдается в анализ, не вскрывает подоплеку, не дает панорамы. На первый взгляд, его тексты – цепь частных эпизодов. Вот кто-то сгнил заживо, вот другого зарезали из-за теплой фуфайки. Вот выясняется, что поговорка «работать, как лошадь», неверна: лошади гораздо менее выносливы, чем люди. Вот сцена раздачи и поедания селедки, которая вся, с головой, шкурой, хвостом и костями рассасывается в беззубых арестантских ртах. Вот один ест сгущенное молоко, а десять стоят вокруг и смотрят – не ждут, когда их угостят, а просто смотрят, не в силах отвести глаз. Рассказы короткие, иные на две-три страницы, почти миниатюры. Сюжетов, в общепринятом смысле, нет. Выделить какой-либо один или несколько рассказов – «лучших», «наиболее характерных» – невозможно. Шаламова можно начинать читать с любого места, с полуфразы – мгновенное погружение обеспечено. Холод, голод, цинга, туберкулез, холера, физическое и нервное истощение, деградация и распад личности, равнодушие и жестокость, на каждой странице смерть, в каждом абзаце апокалипсис. Включенный в школьную программу «Последний бой майора Пугачева», где изложена история побега, перестрелки и гибели беглецов, – нетипичная для Шаламова вещь. Бой описан с вызывающей, принципиальной скупостью. Зато подробно дана биография главного героя, боевого офицера, бежавшего из немецкого плена и тут же посаженного своими на десять лет, за

Варлам Шаламов как зеркало русского капитализма. Андрей Рубанов filosoff.org измену Родине. Майор вспоминает немецкий лагерь, где все пленные – французы, англичане – получали от родственников посылки, и только русские солдаты ничего не получали. Родина от них отказалась. Майора пытались завербовать в армию Власова – майор не пожелал предавать Родину, которая предала его. Из сталинского лагеря майор бежит не на свободу – он хочет умереть как человек, как воин, с оружием в руках. Шаламов не пугает. Он слишком уважает и себя, и читателя. Он создает свои рассказы для того, чтобы люди увидели: «моральный прогресс» есть фикция, опасная иллюзия. Тысячи великих просветителей, гуманистов, философов, писателей, общественных деятелей на протяжении сотен лет создали тысячи великих произведений искусства и научных трудов, совершили миллионы благороднейших поступков – но никак не изменили род человеческий; люди продолжают убивать себя и ближних. Грохочут войны, пылают печи Освенцима, невиновные уезжают по этапу, чтобы сгнить в болотах и тундрах. Именно этого Шаламов не может понять, именно этого он никогда не простит человечеству, именно это – тема творчества «русского Данте». И именно это до сих пор отвращает от Шаламова кабинетных человеколюбов. Его презрение к «прогрессивному человечеству» (расхожий термин советской публицистики второй половины XX столетия) было последовательным и твердым. «Неужели по моим вещам не видно, что я не принадлежу к „прогрессивному человечеству“?» – такова одна из десятков схожих язвительных пометок в его записных книжках. Он пытается опубликовать свои тексты тогда же, в конце 1950-х. Но его ждет разочарование. Легендарной публикацией в «Новом мире» рассказа Солженицына «Один день Ивана Денисовича» лагерная тема в официальной советской литературе была открыта – и закрыта. Шаламов, по одним свидетельствам, горячо приветствовал триумфатора Солженицына, по другим – резко критиковал его творение. Конечно, Шаламову было больно: к моменту появления «Ивана Денисовича» он уже десять лет работал над своими рассказами, и значительная их часть была готова, и подборка лежала у Твардовского в том же «Новом мире». Но Шаламову не повезло. Хрущев швырнул либеральным интеллигентам, «прогрессивному человечеству», кость – второй не последовало. Нужна лагерная проза – вот вам лагерная проза, литературное свидетельство из первых уст, пожалуйста. А Шаламов не нужен. Достаточно одного Солженицына. Можно предположить, что история с «Иваном Денисовичем» травмировала Шаламова. Отношения двух лагерных летописцев не сложились. Хотя Солженицын, по его собственному утверждению, даже предлагал Шаламову совместную работу над «Архипелагом». Шаламов отказался. Он так и не увидел свои рассказы опубликованными на родине. Но даже если допустить, что Шаламов завидовал своему удачливому коллеге – повода для упрека здесь не найти. Семнадцать лет лагерей и десятилетия работы «в стол» не сломали, разумеется, Шаламова, но превратили его в стойка. В человека, нетерпимого к малейшим намекам на фальшь, неискренность, жажду мирских благ. Следует повторить: упреки недопустимы, применять к судьбе Варлама Шаламова обычные критерии – значит, ничего не понимать в истории России и ее литературы. Неизвестно, что хуже: семнадцать лет просидеть в лагерях – или на протяжении двух десятилетий создавать нестандартную, передовую прозу безо всякой надежды опубликовать ее. Известны тысячи случаев, когда люди, подобно Шаламову, сидели в лагерях десятилетиями, прошли через невыносимые муки и не сломались, уцелели – но, оказавшись на свободе, умирали, не прожив и года. Свобода ослабляет волю к сопротивлению. Шаламов не умер, не ослаб. Подвиг Шаламова не в том, что он физически выжил в лагере, а в том, что он творчески выжил после лагеря. Ему удалось напечатать несколько подборок стихотворений. Он страстно любил поэзию, уважал Пастернака, его записные книжки полны размышлений о Есенине, Ахматовой. Он горько пишет о себе: «Пять чувств поэта: зрение – полуслепой; слух – оглохший от прикладов; осязание – отмороженные руки нечувствительные; обоняние – простужен; вкус – только горячее и холодное. Где же тут говорить о тонкости. Но есть шестое чувство: творческой догадки». Колыма отобрала у него все здоровье. Он страдал болезнью Меньера, мог потерять сознание в любой момент, на улицах его принимали за пьяного. Его рассказы были «бестселлерами самиздата», ими зачитывались – сам писатель жил в крошечной комнатке, едва не впроголодь. Тем временем Хрущева сменил Брежнев; трагические лагерные истории о сгнивших, замерзших, обезумевших от голода людях мешали строить развитой социализм, и советская система сделала вид, что Варла-ма Шаламова не существует. Чрезмерно прямо, тверд. Неудобен. Не нужен. Он открыто издевался над идеями Макаренки о «перековке» – перевоспитании трудных подростков, воров, уголовников. А ведь Макаренко считался лидером социалистической педагогики. Он презирал Льва Толстого. Писал: «...хуже, чем толстовская фальшь, нет на свете». А ведь Толстой, с легкой руки Ленина, был «зеркалом русской революции», «глыбой», «матерым человекищем». 1972 год. Шаламов публикует в «Литературной газете» открытое письмо: резко, даже грубо осуждает публикацию своих рассказов

Варлам Шаламов как зеркало русского капитализма. Андрей Рубанов filosoff.org эмигрантским издательством «Посев». Воинствующие диссиденты тут же отворачиваются от старика. Они думали, что он будет с ними. Они думали, что Шаламов – этакий «Солженицын-лайт». Они ничего не поняли. Точнее, это Шаламов уже все понимал, а они – не сумели. Миллионы заживо сгнивших на Колыме никогда не интересовали Запад – Западу надо было повалить «империю зла». Западу в срочном порядке требовались профессиональные антикоммунисты. Солженицын, страстно мечтавший «пасти народы», отлично подошел, но его было мало – еще бы двоих или троих в комплект... Однако Шаламов был слишком щепетилен, он не желал, чтобы чьи-то руки, неизвестно насколько чистые, размахивали «Колымскими рассказами», как знаменем. Шаламов считал, что документальным свидетельством человеческого несовершенства нельзя размахивать. Вообще ничем никогда нельзя размахивать. Открытое письмо возмутило Солженицына. «Как? Шаламов сдал наше, лагерное?!» А Шаламов не сдавал «наше, лагерное» – он инстинктивно и брезгливо отмежеввался от «прогрессивного человечества». Тем временем упомянутое человечество вручило Солженицыну Нобелевскую премию, и всемирно известный борец с режимом, перебравшись на Запад, на долгие годы фактически «приватизировал» лагерную тему. Тогда как Шаламов, глубоко презиравший даже намеки на саморекламу, последовательный атеист, человек-кристалл, скептик, гений сардонической усмешки, враг любого компромисса – оставался известным только узкому кругу почитателей. Для «прогрессивного человечества», всегда готового аплодировать живописным героям, Шаламов был слишком сух, презрителен, улыбался слишком горько и формулировал слишком беспощадно. Шагай, веселый нищий, Природный пешеход, С кладбища на кладбище вперед. Всегда вперед! По Шаламову, сталинский лагерь являлся свидетельством банкротства не «советской» идеи, или «коммунистической» идеи, а всей гуманистической цивилизации XX века. При чем тут коммунизм или антикоммунизм? Это одно и то же. А уж если говорить о нынешней бестолковой и крикливой цивилизации века XXI-го – с ее точки зрения Варлам Шаламов, конечно, типичнейший лузер, тогда как Солженицын – гений успеха. Один полжизни сидел, потом полжизни вспоминал и писал о том, как сидел, почти ничего не опубликовал и умер в сумасшедшем доме. Другой сидел три года, шумно дебютировал, бежал в Америку, сколотил миллионы, получил мировую известность, под грохот фанфар вернулся на родину, с высоких трибун учил жизни соотечественников и окончил дни в звании «русского Конфуция». Но сейчас все иначе: стоит упомянуть первого из них – люди уважительно кивают. Что касается второго – наверное, лучше умолчать. О мертвых либо хорошо, либо ничего. Мертвый не может возразить. Зато живые могут возразить живым. Живые могут со всей ответственностью заявить, что всякий желающий что-либо узнать о сталинских лагерях первым делом должен взять в руки именно «Колымские рассказы». Все остальное можно не читать. «Архипелаг» следует читать только после «Колымских рассказов» – как справочное пособие. «Ивана Денисовича», по-моему, можно не читать. Потому что никакого Ивана Денисовича не было и быть не могло. Всемирно известный герой Солженицына Иван Денисович Шухов – всего лишь скверная копия толстовского Платона Каратаева. Симулякр [418]. Синтетический, из головы придуманный, идеальный русский мужичок, безответный, терпеливый, запасливый. Трудолюбивый и всюду умеющий выжить. Россия, загипнотизированная Львом Толстым и Александром Солженицыным – крупными знатоками «народа», – сто пятьдесят лет ждала, когда ж появятся из гущи народной такие мужички и с хитрым прищуром рубанут правду-матку. Если сейчас не внести ясность в этот вопрос, Россия будет еще сто пятьдесят лет ждать появления упомянутого мужичка, который, как кажется автору этих строк, еще во времена Льва Толстого существовал только в сознании Льва Толстого, а уж во времена Александра Солженицына существовал с большим трудом даже в сознании Александра Солженицына. А лагерники Шаламова не трудолюбивы и не умеют жить. Они умирают. Они – зомби, полулюди-полуживотные. Они сломаны и расплющены. Они пребывают в параллельной вселенной, где элементарные физические законы поставлены с ног на голову. Они озабочены – буквально – существованием «от забора до обеда». Шаламов рассматривает не личность, а пепел, оставшийся при ее сгорании. Шаламова интересует не человеческое достоинство, а его прах. Лагерь Шаламова – королевство абсурда, где все наоборот. Черное – это белое. Жизнь – это смерть. Болезнь – это благо, ведь заболевшего отправят в госпиталь, там хорошо кормят, там можно хоть на несколько дней отсрочить свою гибель. В рассказе «Тишина» начальство в порядке эксперимента досыта накормило бригаду доходяг – чтоб работали лучше. Доходяги тут же бросили работу и устроились переваривать и усваивать невиданную двойную пайку, а самый слабый – покончил с собой. Еда сообщила ему силы, и он потратил эти силы на самое главное и важное: на самоубийство. В рассказе «Хлеб» герою невероятно повезло: его отправляют работать на хлебозавод. Бригадир ведет его в кочегарку, приносит буханку хлеба – но истопник, презирая бригадира, за его спиной швыряет старую

Варлам Шаламов как зеркало русского капитализма. Андрей Рубанов filosoff.org буханку в топку и приносит гостью свежую, еще теплую. А что герой? Он не ужаснулся расточительности истопника. Он не изумлен благородством жеста: выбросить черствый хлеб, принести голодному свежий. Он ничего не чувствует, он слишком слаб, он лишь равнодушно фиксирует происходящее. Писатель жесток. Надежды нет. Героев не бывает. Человек – это не звучит. [419] Человек остается человеком только до определенного предела. Расчеловечивание – несложная процедура: холод, голод, непосильная работа, круглосуточное унижение, отсутствие надежд на лучшее будущее за год-два превращают в животное любого и каждого. Фамилии и характеры персонажей Шаламова не запоминаются. Нет метафор, афоризмов, никакой лирики, игры ума, никаких остроумных диалогов. Многие ставят это в упрек автору «Колымских рассказов». Утверждают, что Шалаллов слаб как художник слова, как «литератор», обвиняют его в репортерстве и клеймят как мемуариста. На самом деле тексты Шаламова, при всем их кажущемся несовершенстве, изощренны и уникальны. Персонажи одинаковы именно потому, что в лагере все одинаковы. Нет личностей, нет ярких людей. Никто не балагурит, не сыплет пословицами. Рассказчик сух, а по временам и косноязычен – ровно в той же степени, как косноязычны лагерники. Рассказчик краток – так же, как кратка жизнь лагерника. Фраза Шаламова ломается, гнется, спотыкается – точно так же, как ломается, гнется и спотыкается лагерник. Но вот рассказ «Шерри-бренди», посвященный смерти Мандельштама, – здесь Шаламов уже работает практически белым стихом: ритмичным, мелодичным и безжалостным. Шаламов последовательный и оригинальный художник. Достаточно изучить его эссе «О прозе», где он, например, заявляет, что текст должен создаваться только по принципу «сразу набело» – любая позднейшая правка недопустима, ибо совершается уже в другом состоянии ума и чувства. Более того, там же Шаламов утверждает, что способен заметить позднейшие вставки и следы редактуры в тексте любого другого сочинителя. Шаламову отвратительна «изысканная словесность», красота ради красоты – все должно работать на результат и только на результат. Содержание не определяет форму – содержание и форма есть одно и то же. Шаламов отрицает тип «писателя-туриста», квалифицированного стороннего наблюдателя (в пример он приводит Хемингуэя), изображающего события так, чтобы они были понятны и интересны «широкому читателю». По Шаламову, писатель обязан погрузиться в толщу жизни, чтобы испытать те же чувства, что и его герои; именно трансляция истинного чувства есть задача писателя. «Чувство» – определяющая категория Шаламова. Рассуждениями о чувстве, подлинном и мнимом, полны его эссе и записные книжки. Способность и стремление к передаче подлинного чувства выводят Шаламова из шеренги «бытописателей», «этнографов», «репортеров», доказывают его самобытность. Он не жил анахоретом, досконально разбирался в живописи, посещал выставки и театральные премьеры. Принимал у себя поэтическую молодежь – к нему заходил Евтушенко. Переживал из-за вечного безденежья. Мог матерно выругать уличного хама. Был горд, заносчив, эгоцентричен. Очень честолюбив. Мечтал о славе де Голля. Верил, что его стихи и проза обгонят время. Признавался близким: «Я мог бы стать новым Шекспиром. Но лагерь все отнял». Варлам Шаламов умер в 1982 году. Умер, как и положено умереть русскому писателю: в нищете, в лечебнице для душевнобольных стариков. И даже еще кошмарнее: по дороге из дома престарелых в дом для умилившихся. Канон ужасного финала был соблюден до мелочей. Человек при жизни прошел ад – и ад последовал за ним: в 2000 году надгробный памятник писателю был осквернен, бронзовый монумент похитили. Кто это сделал? Разумеется, внуки и правнуки добычливых Платонов Каратаевых и Иван-Денисычей. Сдали на цветной металл. Думается, сам Шаламов не осудил бы похитителей: чего не сделаешь ради того, чтобы выжить? Колымские рассказы учат, что жизнь побеждает смерть, и плохая жизнь лучше хорошей смерти. Смерть статична и непроницаема, тогда как жизнь подвижна и многообразна. И вопрос, что сильнее – жизнь или смерть, – Шаламов, как всякий гений, решает в пользу жизни. Есть и кафкианское послесловие к судьбе русского Данте: по первой, 1929 года, судимости Шаламов был реабилитирован только в 2002 году, когда были найдены документы, якобы ранее считавшиеся утраченными. Не прошло и ста лет, как признанный во всем мире писатель наконец прощен собственным государством. Чем далее гремит и звенит кастрюльным звоном бестолковый русский капитализм, в котором нет места ни уважению к личности, ни трудолюбию, ни порядку, ни терпению, – тем актуальнее становится литература Варлама Шаламова. Именно Шаламов подробно и аргументированно заявил: не следует переоценивать человека. Человек велик – но он и ничтожен. Человек благороден – но в той же степени подл и низок. Человек способен нравственно совершенствоваться, но это медленный процесс, длиной в столетия, и попытки ускорить его обречены на провал. Поосторожней, братья, – путь от человека к зверю не так долог, как нам кажется. «Мы, – писал Шаламов, – исходим из положения, что человек хорош, пока не доказано, что он плох. Это чепуха». За

Варлам Шаламов как зеркало русского капитализма. Андрей Рубанов filosoff.org человеческое нужно драться. Человеческое нужно беречь и терпеливо пропагандировать. Конечно, современная Россия – не Колыма, не лагерь, не зона, и граждане ее не умирают от голода и побоев. Но именно в современной России хорошо заметен крах идей «морального прогресса». Наша действительность есть топтание на месте под громкие крики «Вперед, Россия!». Презируемое лагерником Шаламовым «прогрессивное человечество» уже сломало себе мозги, но за последние полвека не смогло изобрести ничего лучше «общества потребления» – которое, просуществовав считанные годы, потребило само себя и лопнуло. Мгновенно привить российскому обществу буржуазно-капиталистический тип отношений, основанный на инстинкте личного благополучия, не получилось. Экономический рывок провалился. Идея свободы обанкротилась. Интернет – территория свободы – одновременно стал всемирной клоакой. Социологический конкурс «Имя Россия» показал, что многие миллионы граждан до сих пор трепещут перед фигурой товарища Сталина. Еще бы, ведь при нем был порядок! Благополучие до сих пор ассоциируется с дисциплиной, насаждаемой извне, насильственно, а не возникающей изнутри личности как ее естественная потребность. Ожидаемого многими православного воцерковления широких масс не произошло. Обменивая нефть на телевизоры, Россия на всех парах несется, не разбирая дороги, без Бога, без цели, без идеи, подгоняемая демагогическими бреднями о прогрессе ради прогресса. Шагай, веселый нищий...Аналогов «Колымским рассказам» Варлама Шаламова в мировой культуре нет. Будем надеяться, что их и не будет. Если не будет новой Колымы. Но есть уже множество доказательств того, что новая Колыма спроектирована и создается. Прямо в нашем сознании. Распад личности ныне происходит не в вечной мерзлоте, под лай конвойных псов, теперь рабов не надо везти в тундру и кормить баландой, теперь рабов – новых, ультрасовременных, идеально послушных – проще и дешевле выращивать с пеленок, при помощи медийных технологий, манипуляций массовым сознанием. Шаламова нет, его память хранит маленькая группа отважных идеалистов. Самодовольное и брезгливое «прогрессивное человечество» победило. Но пока будут существовать книги Варлама Шаламова – оно не сможет восторжествовать

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!